

18+

Глеб Пудов

ИЗАНТИЙСКІЕ СНЫ

Глеб Пудов

Византийские сны

«Издательские решения»

Пудов Г.

Византийские сны / Г. Пудов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511705-2

Новый сборник стихотворений Глеба Пудова подобен разноцветной византийской мозаике. Каждый ее «кусочек», отражая различные мысли и чувства автора, способствует воплощению в слове его картины мира. Несмотря на минорное настроение многих, особенно лирических, стихотворений, равнодушный читатель отметит широкий тематический диапазон сборника.

ISBN 978-5-00-511705-2

© Пудов Г.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Византийские сны	8
Худы мои кеды...	12
Политика	13
Смоленская рапсодия	14
Будущее	17
На кладбище старом вороны поют...	18
Басня про богов и людей	19
Однажды под вечер в автобусе ехал...	20
Мир	21
На каждом слове – капля пота...	22
Случай в Стамбуле	23
Здесь живут, в основном, алкоголики...	24
Санкт-Петербург	25
Бегут, бегут года и дни...	26
Общество с ограниченной ответственностью	27
Эпитафия для кошки	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Византийские сны

Глеб Пудов

Редактор Анатолий Сигалов

Дизайнер обложки Наталия Ковалева

© Глеб Пудов, 2020

© Наталия Ковалева, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-1705-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«И опять я почти не нарочно окажусь в византийской тиши...»

При мысли о Византии первыми в сознании возникают выложенные мозаикой лица императоров. Как древние портреты складываются из разноцветных камешков, так и портрет поэта слагается из стихотворений о том, что отразило грани его души.

Не удивительно, что новый сборник поэзии Глеба Пудова получил говорящее название «Византийские сны». И дело не только в том, что книга открывается одноименным циклом. Действительно, автору как искусствоведу дорог образ Византии, но обращается он и к другим городам и странам, к самым разным областям человеческой жизни.

Самое дорогое, что может подарить поэт читателю — свое видение мира. Что может увидеть человек, чей взгляд еще дышит Византией, на улицах родного Петербурга, «на старом мосту» в Смоленске, в «старинных башнях» Пскова, на тропах белорусских лесов? Чем отзовутся современный Стамбул и европейские пейзажи? Что можно встретить на исхоженных «тропах» библиотек? Какими видит Глеб семейные отношения, дружбу, политику? Иными.

Для знакомства со сборником читателю стоит запастись поисковиком и словарями. Стихотворения научат думать, искать, вспоминать и видеть по-новому. Конечно, можно бегло просмотреть каждое и ухватить основную мысль, но куда слаще вдуматься и докопаться до каждой детали. А их много — умных, красивых, сочных деталей! Автор признается: «Согласен, грешу мелкотемьем, / я б даже сказал, к микротемам / влечение питаю, и тем я / чуть дальше от штампа, от схемы» («Монолог ужа»). И сколько же в этом «мелкотемье» сокрыто! Вот он, повод перечитать греческие мифы, больше узнать об истории и искусстве. Кто такие «путти со стенок ларцов»? Что было написано в «Илиаде» о Патрокле? Почему «Меса гудит, как разгневанный рой»?

При этом многие темы близки и понятны каждому, кто хоть раз обращал взор внутрь себя. Не раз встречается тема двойника: «Увы, в июльской тишине / передо мной возник — / двойник...» («Ошибка»). Неравнодушен поэт и к извечной теме внутренней пустоты: «Никто не заметил какой-нибудь фальши: / все были мертвее, чем он» («Однажды под вечер...»).

В стихах, как и в жизни, есть место всему. Нашлось оно и для улыбки автора. Есть улыбка добрая по отношению к себе и собственной стихотворческой судьбе: «Строка появилась и будто в воронку / меня затащила: уже / сознание послушно послало вдогонку / две рифмы: на «ронку» и «же» («Навык»). Есть улыбка напряжённая, которая появляется при мысли о судьбах мира, когда уж лучше смеяться, чем плакать. Она видна в напоминающих мозаику сериях стихотворений «Общество с ограниченной ответственностью» и «Государство»: яркие образы отдельных персонажей складываются в картину действительности, достойной горькой насмешки.

Автор с интересом включается в литературную игру: в сборник вошла серия акростихов «Из истории европейской живописи», где по первым буквам каждой строки читается дополнительное послание автора, будь то имя художника или повтор первой строки стихотворения. Привлекает особое внимание написанный рифмованной прозой «Рассказ про ворону».

Стихи Глеба Пудова порой медлительны и торжественны подобно древнегреческим, но он не забывает и о коротких, «плясовых» размерах, создающих ощущение простоты.

Роскошное многоцветье мест и событий, времён и личностей, жанров и стилей — такой складывается мозаика «Византийских снов». Серьезное сплетается с пародийным, горькая усмешка с веселой улыбкой. И во всём этом автор предельно честен.

*Мария Шибанец (г. Молодечно, Беларусь),
поэт, прозаик, автор-исполнитель,
член СП Беларуси*

Византийские сны

I. Анна

Никто (кроме банка) не вспомнит,
что жил я на этой земле,
писал свои книги, как Комнин,
в холодной декабрьской мгле.

О, Анна!¹ Сквозь дымку Босфора
порою мне чудится лик
и голос чуть слышный, в котором —
величие древних владык.

И пусть, что никто и не вспомнит,
что жил я в декабрьской мгле
с желанием вечным, нескромным
остаться на этой земле...

Что — я? И кому я был нужен?
Ведь дочь позабытых царей,
не зная ни холод, ни стужу,
следила полет кораблей.

II. Царьград

Свернулся мой зонтик подстреленной птицей,
полнеба с собой прихватив,
как пика султана дорога искрится,
торжественный замер Фатих²;
разносят коты свои жаркие оды
по влажным зеленым углам,
их звуки стихают под каменным сводом
мечети, где дремлет имам;
Босфор без движения: спят субмарины,
эсминец, паромы, фрегат...
Но в дымке лазурной, прохладной, старинной
мне вновь улыбнулся Царьград.

III.

Столица спит (чуть слышно только,
как где-то плещется фонтан),
и месяц яблочною долькой
плывет сквозь утренний туман...

¹ Имеется в виду Анна Комнина (1083—1153) — византийская принцесса, одна из первых женщин-историков.

² Фатих — один из районов Стамбула.

Спят лодки на волнах Босфора,
спят церкви, площади, сады,
и даже Мраморное море
свои морские видит сны.

Но василевса³ сон тревожен
и сновидения все те ж:
удавом сильным, осторожным
у трона ползает мятеж.

И царедворца сны подобны,
и сновидения все те ж:
узнал божок порфирородный
про подготовленный мятеж!

И лишь рыбак в старинной лодке
вкушает дивный теплый сон:
в своем видении коротком
он снова молод и влюблен!

IV.

И опять я почти не нарочно
окажусь в византийской тиши,
чтобы здесь в этот час неурочный
слушать речь христианской души.

Не витийства могучего Пселла⁴,
не послания древних Отцов⁵,
а слова, что тихонько мне спела
пара путти⁶ со стенок ларцов:

то Геракл сражается с гидрой,
то послышится бег колесниц,
то со львами сплетаются тигры,
а рабы повергаются ниц...

Широта мировых горизонтов
и ушедших культур глубина —
вот чем дышит простор Геллеспонта
и чем песня тех путти полна!...

³ Василевс (или «базилевс») – титул византийских императоров.

⁴ Михаил Пселл (1018— ок.1078) — византийский государственный деятель, историк, философ, писатель.

⁵ Имеются в виду творения Отцов Церкви: Григория Великого, Августина, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и других.

⁶ Путти – изображения крылатых мальчиков, распространенный декоративный мотив в декоративном искусстве разного времени.

V. Предок

Крадется вдоль берега, у камышей,
к судьбе недоверчивый росс.
Он жил среди пляски кровавых мечей
и смерть для него — не вопрос.

Ладья подготовлена. Где-то Царьград
надменно глядит на волну,
но с трепетом ждет, как могучий отряд
весною объявит войну.

А Меса⁷ гудит, как разгневанный рой,
солдат всюду громче шаги.
Старик-император вечерней порой
кричит в небеса: «Помоги!»

Крадется вдоль берега, у камышей,
к судьбе недоверчивый росс.
Он слышал, что книг там — как в речке ершей,
и храмов там много, и роз.

Он будет служить византийским богам,
пройдет сотни дальних дорог,
затем он вернется к своим очагам...
С него и начнется мой род.

VI. Стекло

В прохладных покоях, вдали от тревог,
изведав коварную суть перемен,
свой мир претворял в сочетания строк
седой Кекавмен⁸.

Как хочется сына от бед уберечь!
Как хочется счастьем надежным снабдить!
И вьется, и бьется, и тянется речь,
как тонкая нить...

«Не верь никому! Твоя пристань — семья!
Обманы повсюду и вечная ложь...
И даже твой друг может бросить в тебя
сверкающий нож...».

Как много столетий с тех пор утекло,

⁷ Меса — главная улица Константинополя.

⁸ Кекавмен (ок. 1020 – после 1081) – византийский писатель, автор руководства по военному искусству («Стратегикон») и книги «Советы и рассказы», в которой объединил назидательные истории и житейские советы.

исчез в этих водах суровый старик...
Но, кажется, прав он: повсюду — стекло,
что рушится вмиг.

Санкт-Петербург

Худы мои кеды...

Худы мои кеды
и разум мой худ.
Терплю свои беды,
как младший Лихуд⁹.

Судьбе противленья —
чужая игра.
Живу, словно тень я...
на грани пера.

Санкт-Петербург

⁹ Иоанникий (1633—1717) и Софроний (1652—1730) — греческие монахи, преподаватели Славяно-греко-латинской академии. Во время преподавательской деятельности столкнулись с множеством проблем и неприятностей, особенно Софроний.

Политика

Скоморохам нынче — счастье:
деньги, слава и почет!
Не коснутся их напасти
и беда их не возьмет.

Смело лезут на трибуну
и кричат, шипят, свистят —
как испорченные струны
или вражеский снаряд.

Зритель массовый доволен
(соучастие как лезть),
а на клоунские роли
кандидатов и не счесть!

Санкт-Петербург

Смоленская рапсодия

I. Тень

Под вечер зонтами ощерился город,
холодному ливню на дерзость его отвечая.
Неспешно налью себе чашку душистого чая
и стану смотреть с высоты на огни и заторы.

Ну что ж... Суется народ, как безумное стадо,
планета в пространстве летит бесконечном.
Гляжу из окна и смеюсь: суеты мне не надо —
она засоряет собою понятие «вечность».

А мир понемногу (уж если взглянуть за изнанку)
теряет причины и следствия, смыслы и связи.
И я растворяюсь. Проснусь спозаранку,
а я — только тень, что витает над утренней грязью.

II.

Под вечер я выйду без всякой причины
в Лопатинский сад. Там горят фонари.
Пройду по аллее, поплюю капучино
у мокрой афиши с наклейкой «Paris».

На старом мосту поприветствую уток,
в их честь сочиню пару ласковых строк.
И в этом неспешном движении суток
увидю, как мне улыбается Бог.

III. Осень

Пришел октябрь и с кленов горемычных
стряхнул серебряные кружева,
и ветер, словно яростный опричник,
их разметал по улицам. Жива
та самая осенняя эпоха,
когда поэмы разливаются рекой,
и коль поэту пламенному плохо,
доволен он, и мчится за строкой.

И я доволен, пусть не плодovit я,
пусть муза где-то тешится с другим
и надо мной смеется ядовито,
пусть годы исчезают, словно дым...
Доволен я. В тиши и незаметно
я делал свое дело вопреки
судьбе-злодейке; жаждою монетной
не унижал явление строки;

глядел из окон на автомобили,
что молодых навстречу их судьбе
несли; глядел, как злобные дебилы
сжигали книги в воюющей толпе.
Все это — мир. Ужимки и гримасы
реальности, все — суета и тлен.
Но я не ждал, что будет мир прекрасным,
поскольку знал: не будет перемен.

IV. Двойник

В цвета золотистой латуни
окрасила осень сады.
В Смоленске — октябрь. Накануне
со мной разговаривал ты.
Кричал мне, что я изменился,
что вовсе не слышу тебя,
и далее – с точностью СНИЛСа¹⁰ —
дорогу в чужие края
чертил мне на ватмане белом.
— «Зачем туда ехать, скажи?..»
— «Там жизнь не такая и, в целом,
там можно достойно прожить:
не лгать, не работать напрасно,
не быть, как скотина в узде...»
— «Эх, милый, реальность ужасна.
При этом ужасна везде».
Обиделся он. Хлопнул дверью,
и быстро ушел от меня.
Сейчас, полагаю, наверно,
он ищет другие края.

P.S. Как прежде, октябрь что есть силы
латунью покроем сады.
Зачем же, далекий и милый,
тогда не настаивал ты?

V.

Когда ночь опустится шалью,
мне явятся древние сны,
послышатся бряцанье стали,
удары клинков о щиты.

И крики взметнутся метелью
над полем у тихой реки,
увидю скопление тел я,
пойму — все мои земляки.

¹⁰ СНИЛС — номер индивидуального лицевого счета.

Проснувшись под утро в постели,
замечу я (Боже Ты мой!),
что бок мой несчастный прострелен
каленой татарской стрелой!

Смоленск, Мстиславль

Будущее

Глаза его ярко горят в темноте.
Он может практически все:
послать информацию к дальней звезде,
чтоб тем уничтожить ее;
он мысли читает; проекты творит
одним мановеньем руки,
и часто с Вселенною он говорит
у маленькой звездной реки.
Но есть недостаток (всего лишь один!),
и с ним не расстаться вовек:
он станет бороться до самых сединок,
а будет он ЛИШЬ ЧЕЛОВЕК.

Смоленск

На кладбище старом вороны поют...

На кладбище старом вороны поют,
покойники дремлют в гробах.
Покинут они свой печальный уют,
чтоб людям явиться во снах.

И спросят тебя: «Чем ты, друг мой, живешь?
Зачем тебе годы даны?»
А коль не ответишь, зачем ты живешь,
тебя зацелуют они...

Смоленск

Басня про богов и людей

Металась прекрасная Ио
по пышным лугам. Царь богов —
и он же был (временно) и.о.
мужчины ее — был готов
укрыть эту деву от гнева
супруги, ее превратив
в ...корову. Напряг своей вены
Юпитер всеильный извив, —
и вот, полюбуйтесь, поверьте:
копыта, мычанье, рога.
Зачем же всем женщинам смертным
такая судьба суждена?

Знай, смертный, в игре с небесами
не крыльями кончишь, — рогами.

Санкт-Петербург

Однажды под вечер в автобусе ехал...

Однажды под вечер в автобусе ехал,
среди туристических групп,
одетый в пальто с неглубокой прорехой
обычный задумчивый труп.

В окошко глядел и зевал понемногу,
до смерти стеснялся себя,
порою отшвыривал руку иль ногу,
на ближних людей не смотря.

А что было дальше?
Он просто приехал и вышел на улицу вон.
Никто не заметил какой-нибудь фальши:
все были мертвее, чем он.

Вязьма

Мир

Я стер случайные черты,
случайные черты я стер,
и вместо дивной красоты
на математику набрел;
на формул древнюю чету,
закономерностей союз,
и, увидав систему ту,
воскликнул только: «Ой, боюсь!»

Санкт-Петербург

На каждом слове – капля пота...

На каждом слове — капля пота:
поэт «оттачивал» стихи
с таким старанием, что работа
вдруг стала карой за грехи.

Санкт-Петербург

Случай в Стамбуле

В Стамбуле – ночь. Из лавки продуктовой
я брел по переулку наугад —
уже давно среди улиц заблудился
и молча древний город изучал.
Луна лежала ломтиком лукума
на бархатной витрине; иногда
по стенам тени быстро пробегали,
как будто весть хорошую несли...
Итак, я шел из лавки продуктовой,
и вдруг среди бутылок и камней
я увидел притихшего ребенка,
что на меня испуганно глядел.
Он грязен был, оборван. Словно саблю,
держал он палку в согнутой руке,
и от меня готов был защищаться —
без палки в его мире не прожить.
Я протянул ему два апельсина,
и впился он в веселые плоды,
а я пошел, собою впечатленный,
бренча монетами в тяжелом кошельке.
Чуть позже я в гостиничном уюте
зеленым чаем жажду утолял,
и вдруг внутри покоя и довольства
пришла мне мысль: «А что ж ты не отдал
все апельсины?».

Здесь живут, в основном, алкоголики...

*«навакольные людзі прыкольные
насяляюць раёны спальныя...»*

(В. Жыбуль)

Здесь живут, в основном, алкоголики —
люди пьющие и без затей.
По утрам у них нервы и колики,
вечерами им чуть веселей.

Они книги читают со вздохами,
они часто сидят у крыльца.
А когда вновь становится плохо им,
рукавом закрывают глаза.

Санкт- Петербург

Санкт-Петербург

I.

Твои имперские красоты,
тревожа сердце, в даль зовут,
в которой Валлен-Деламот и
Трезини¹¹ вместе кофе пьют;

где Рим соседствует с Парижем;
в гранит одеты берега,
и давит мрак, как пассатижи,
на мысль и чувство моряка;

где флаги стройными рядами
спешат, спешат из-за морей,
и с белоснежными волнами
резвится радостный Борей.

II.

Стихает туристический сезон.
Усталый город, не спеша, снимает
все бархаты и маски; как дублон
шпиль церкви на прощание сияет;
в костелах и музеях — ни души;
ни звука возле древних саркофагов.
Гранитный город верно отслужил
свой летний срок. Еще один параграф
в судьбе его тревожной, непростой
окончился на этой тихой строчке.
И кажется, в истории самой
остались только точки, точки, точки...

Санкт-Петербург

¹¹ Жан-Батист-Мишель Валлен-Деламот (1729—1800), Доменико Андреа Трезини (1670—1734) – архитекторы.

Бегут, бегут года и дни...

Бегут, бегут года и дни,
бегут всечасно, не отменно.
Исчезну скоро я среди
тревожной роскоши Вселенной.

Закопан буду в землю я,
покрыт плитою тяжелой,
и в виде жалкого червя
останусь в памяти Вселенной...

Псков

Общество с ограниченной ответственностью

I. Учительница

Линейкою била по детским рукам,
курила у школы, и звонко
кричала, что совести нет ни на грамм
у «этих подонков».

II. Чиновник

Чем дольше у чина, тем денег поток
все больше рекой становился.
В квартире его перепуганный кот
вчера заблудился.

III. Военный

Снаряды сегодня он тем продавал,
с кем раньше бы и не ужился.
Но дача... но дама... но дочери бал... —
и вот он решился.

IV. Водитель

Болтал без умолку, смотрел в телефон,
автобус летел по дороге...
И после той «встречи» с тем грузовиком
нашли только ноги...

V. Продавец

Наклейки менял молодой продавец —
из старого творога свежий
творил, как волшебник. Продал, наконец, —
у многих симптомы все те же...

Санкт-Петербург

Эпитафия для кошки

Характер был у рыжей дамы
не предназначен для людей
(и меж дворовыми котами
она не значилась своей).
Играла тихо, грациозно
в суровом сумраке ночей,
пока над книжкой Ариосто
дремал хозяин-книгочей;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.